

- ⁴⁰ *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, 293.
- ⁴¹ *Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrier. I. Wien, 1957, 217–218.
- ⁴² *Duridanov I.* Thrakisch-Dakische Studien. Die Thrakisch- und Dakisch-Baltischen Sprachbeziehungen // Балканско езикознание. XIII. 2. 1969, 45.
- ⁴³ *Krahe H.* Lexikon Altilyrischer Personennamen. Heidelberg, 1929, 71.
- ⁴⁴ *Krahe H.* Die Sprache der Illyrier..., 58, 101; *Čabej E.* Studime gjuhësore. IV. 129.
- ⁴⁵ *Poghirc C.* Influența autohtonă..., 331.
- ⁴⁶ *Gregoire H.* Rez. // Byzantion. XIV. 2. 1939, 28–29.
- ⁴⁷ *Нерознак В.П.* Палеобалканские языки. М., 1978, 183, 199.
- ⁴⁸ Вероятно, опечатка – вместо Μαλεα, ср. *Pape W., Benseler G.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen³. II. Graz, 1959, 847.
- ⁴⁹ *Нерознак В.П.* Указ. соч., 183.
- ⁵⁰ Там же, с. 199.
- ⁵¹ *Pape W., Benseler G.* Wörterbuch... 848–849 с указанием соответствующих источников и толкованиями в духе времени, например, в связи с греч. μάλη = μασχάλη ‘подмышка, локоть’ или μάλλος ‘клок шерсти’. Там же приводятся многочисленные созвучные образования с территории Индии, Египта и Ближнего Востока, которые, видимо, следует трактовать иным образом, в связи с чем уместно напомнить строгое замечание Г. Мейера по поводу алб. *mal*: “Illyromanen haben das alb. Wort auch sonst in Ortsnamen als weit verbreitet finden wollen: der mit Vorliebe dazu gestellte Vorgebirgsname *Malea* ist sicher semitisch” (Meyer EWA, 257).
- ⁵² *Zgusta L.* Kleinasiatische Ortsnamen. (Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. 21). Heidelberg, 1984, 358–361.
- ⁵³ *Duridanov I.* Op. cit., 45.
- ⁵⁴ *Топоров В.Н.* Еще раз о древних западнобалканско-балтийских языковых связях в ареальном аспекте // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984, 15.
- ⁵⁵ *Breidaks A.* Concerning the Parallels between Baltic and Ancient Balkan Languages // Балканско езикознание. XXXIII. 1–2. 1990, 47.
- ⁵⁶ *Holder A.* Altceltischer Sprachschatz. II. Graz, 1962, 394–399 с указанием источников.

А.А. Кретов

О ВТОРИЧНОСТИ ЗНАЧЕНИЯ ‘ДЕРЕВО’ В И.-Е. ПРАЯЗЫКЕ

Происхождение слова, обозначавшего дерево в индоевропейском праязыке, давно интересует этимологов. Несмотря на то, что наукой уже накоплена критическая масса знаний для решения этой проблемы, нельзя утверждать, что эта масса востребована и использована.

Одним из свидетельств тому может служить последнее по времени фундаментальное исследование проблем индоевропеистики Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова¹, в котором немало внимания уделено семантике и.-е. лексемы **t'eloru-*, **t'relou-*². Для индоевропейского праязыка исследователи реконструируют значение ‘дуб’ и ‘дерево’ (как

'растение', так и материал – 'древесина'). Из значения 'дуб' выводится значение 'прочность, надежность, верность'.

На первый взгляд, все благополучно: из видового значения 'дуб', являющегося своего рода эталоном дерева по прочности, твердости, верности – тут исследователи фактически следуют за Г. Остгофом³ – развивается родовое понятие 'дерево вообще'.

Правда, непроемкая основа, точнее основа с детерминативом **(e/o)u-*⁴, обозначает 'дуб' только в кельтских языках. В древнегреческом языке, на который ссылаются авторы, древнейшими являются значения 'дерево, древесина'. Гомеровское τὰ δρυῖα 'дубовый лес' является производным словом и в греческом ареале оказывается в изоляции, учитывая, что македонское δάρυλλος 'дуб' имеет полное галльское соответствие и может быть результатом греко-кельтских контактов. При этом, как доказал Э. Бенвенист, «δρυῖς не всегда имело в греческом значение 'дуб'»: древние комментаторы Гомера писали, что первоначально словом δρυῖς называли любое дерево, о чем свидетельствует, в частности, словосочетание δρυῖς πίετρα 'смолистое дерево, сосна' у Софокла (Трах. 766)⁵. Албанский язык, также привлекаемый авторами для реконструкции значения 'дуб', в непроемкой форме (*dru*) дает значение 'древесина, дерево'; значение же 'дуб' имеет лишь производное слово *drush-k*. Кроме того, балтийские рефлекс лексемы **t'eloru-*, **t'relou-* обозначают не 'дуб', а 'сосну, смолу', следовательно, с одинаковым основанием можно считать "первичным" как значение 'дуб', так и 'сосна'. Если же учесть лат. *larix* 'лиственница' (с нерегулярным, хотя и нередким *l* вместо *d*), то у 'сосны' как хвойного дерева будет даже преимущество⁶.

Вторая странность предлагаемой реконструкции состоит в том, что лексема **t'eloru-*, **t'relou-* относится к неактивному классу, тогда как любая другая лексема, обозначающая дерево, включая и сам дуб (лексема **p^(h)erk^(h)u-*), относится к активному классу и "никогда не обозначает 'древесины'"⁷. Ср. утверждение тех же авторов в другом месте: "К именам активного класса относятся именные образования, обозначающие людей, животных, **деревья** (выделено мной. – А.К.), растения, то есть имена, денотаты которых характеризуются наличием у них жизненной активности, в противовес именам неактивного класса, денотаты которых являются объектами, лишенными жизненного цикла... Поэтому имена, **обозначающие деревья в индоевропейском, относятся к активному именному классу...**"⁸

Третье сомнение связано с особенностями того типа мышления, который был присущ носителям индоевропейского праязыка. Этот тип мышления был конкретным, и ему вначале не требовались, а затем долго "не давались" отвлеченные, общие, родовые понятия. В.Н. Топоров, анализируя семантику движения, пишет об этом так: «Разумеется, были языковые средства выражения значений разного типа, так или иначе отражающие эмпирические различия в характере движений, но *сама (общая. – А.К.) идея движения лишь неявно и*

очень предварительно и приблизительно мерцала в обозначениях конкретных действий, которые и были первичными (идти, бежать, ехать, лететь, плыть, ползти, шевелиться и т.п.) и не собиралась, так сказать, “отчуждать” своих смысловых потенций для формирования общего понятия (курсив мой. – А.К.) движения⁹”. Таким образом, реконструкция для индоевропейского праязыка древнейшего слова с общим родовым понятием ‘дерево’ противоречит всему, что нам известно о типе мышления, отраженном в индоевропейском праязыке. При этом исследователями, по существу, игнорируется результат, полученный другими этимологами: “Значение ‘дуб’ является позднейшим и завершает эволюцию смысла этого слова, промежуточным этапом которой было значение ‘дерево’ и которая началась с исконного значения ‘быть крепким, твердым’”¹⁰.

Как видим, по мнению Э. Бенвениста¹¹, ни значение ‘дуб’, ни значение ‘дерево’ не являются первичными для индоевропейского праязыка. Правда, ни Ф. Шпехт, ни Э. Бенвенист ничего не говорят о происхождении значения ‘твердое; быть крепким, твердым’, признаваемого ими наиболее древним.

Метод, примененный Э. Бенвенистом к реконструкции индоевропейских древностей, доказал свою продуктивность, и нет причин не воспользоваться им и в данном случае. Суть его состоит, во-первых, в принципиальном различении языкового значения слова (сигнификата) и его конкретного речевого употребления применительно к данному предмету (десигната, обозначения), а во-вторых, в том, что, находя “позицию нейтрализации” между старым и новым значением, мы получаем возможность реконструировать древнейшее значение слова¹². “Речь идет о том, чтобы с помощью сравнения и диахронического анализа выявить значение там, где вначале мы имеем лишь обозначение. Таким образом, временной параметр становится параметром объяснения”¹³.

Следовательно, в данном случае необходимо найти ту вещь, в которой различие между породами деревьев оказалось бы несущественным и которая одновременно имела бы отношения к глаголу **der-* ‘драть’, – связь, давно предполагаемая этимологами¹⁴.

В таком поиске способно помочь наблюдение В.Н. Топорова: “Коллективное сознание мифопоэтической эпохи (и не только ее), исходя из общего и розного в стоянии и лежании, нередко склонно к еще большей поляризации смыслов этих двух состояний и к резкому противопоставлению их в оценочном плане по шкале “хорошо–плохо”. (...) Этому разведению “стояния” и “лежания” по разным полюсам оценочного (аксиологического) пространства соответствует четкое разграничение наиболее интенсивных смыслов этих двух действий-состояний и соответствующих им пространств, на которые, между прочим, эти действия-состояния могут и проецироваться... Все это дает известные основания предполагать, что современное употребление этих пар глаголов “стоять”–“лежать”, “ставить”–“полагать” является результатом некоей про-

фанизации, обытовления, снижающего смешения исходной ситуации; что первоначально эти лексикосемантические различия... имели статус *категориальных* различий и (помимо всего другого) определялись связью с категориями "антропности" или "вещности", если говорить опять-таки о наиболее далеко разведенных друг от друга и потому наиболее интенсивных смыслах. Именно такое понимание более всего соответствует **различению активности – инактивности**, отражающейся, в частности, и в структуре категориального пространства целого ряда языков, **захватывающая при этом и имя существительное, и глагол, и их синтаксические связи** (выделено мной. – А.К.)¹⁵. Таким образом, оппозиция "стоять – лежать" соответствует оппозиции "антропность – вещьность", и обе они восходят к оппозиции "активность – инактивность", пронизывающей и организующей весь строй индоевропейского праязыка как языка активной типологии¹⁶.

Если деревья конкретных пород относились к активному классу и обслуживались активным глаголом 'стоять', то относившееся к инактивному классу слово **t'eloru-*, **t'relou-* с обобщенным значением 'древесина, дерево', должно было обслуживаться инактивным глаголом 'лежать'. Следовательно, данная лексема должна была обозначать *не стоящее, а лежащее дерево*. Действительно: лежат уже те деревья, которые выпали из жизненного цикла, а тем самым перестали относиться к активному классу. Умирая, дерево теряет сначала листья или хвою, затем – кору и ветки, по которым, собственно, мы и различаем породы, – остается голый ствол, обладающий минимумом породоразличительных признаков. Остается древесина – мертвое тело дерева, твердое, плохо поддающееся обработке, но годящееся для создания надежных изделий, например, таких, как копьё. Лежащее, мертвое дерево без листьев, коры и веток – вот та "позиция нейтрализации", в которой различие пород становится несущественным. Впрочем, – только на глаз: в обработке древесина дуба отлична от древесины липы или сосны. Следовательно, мы хотя и приблизились к позиции нейтрализации, но еще не дошли до нее.

Начиная с А. Куна (см. выше) и по сей день этимологи связывают корень **t'eloru-*, **t'relou-* с корнем **t'elor-*, **t'r-* 'драть', объясняя 'дерево' как 'ободранное от коры' (ср. у В.В. Левицкого: «Развитие значения: "драть, обдирать (кору)" > "дерево" > "твердый, надежный"»¹⁷). В. Мажюлис также следует за А. Куном, возводя "дерево" к и.-е. **der-* "драть", не отказываясь при этом и от концепции Шпехта–Бенвениста¹⁸.

В этимологии А. Куна ошибочно лишь понимание значения 'драть' как 'обдирать, ошкуривать'¹⁹. Все становится на свои места, если понять 'драть' на фоне материальной культуры древних индоевропейцев как технический термин архаичного (до-подсечного) земледелия, т.е. как 'выдирать (из земли)'. Техника эта состояла в том, что корни дерева поочередно подрывались, под них подводились лаги (бревна), которыми как рычагами и выдирались, вырывались из земли

корень. Затем драли другой корень, и так до тех пор, пока дерево не лишалось опоры и не падало. При отсутствии возможности срубить дерево (а она – по крайней мере теоретически – появилась лишь в бронзовом веке) – это единственный способ повалить его. Разумеется, первоначально деревья драли не ради древесины, а расчищая место под деревню и пашню. Расчистка земли от деревьев была частью подсеčno-огневой системы земледелия в лесной местности, а тем самым – экономической основой земледельческого образа жизни. Славянские языки прекрасно сохранили эту архаичную семантику в отглагольном существительном **dorъ*, соотносимом с глаголом **dъrati*: др.-рус. *доръ* ‘земля, расчищенная под пашню и под угодыя’, рус., арханг., волог. *дор* ‘вновь расчищенное место’, сев.-двин. ‘пустота под древесными корнями’, в которую и вставлялся рычаг для выдиранья корня из земли, арханг. ‘нора’ по семантике соответствует др.-инд. *dara-* ‘отверстие в земле, нора, яма’, т.е. именно то, что и получается после выдиранья дерева из земли (ЭССЯ 5, 79).

Первоначальная семантика лексемы **t'elor-u-*, **t'r-elou-* реконструируется нами как ‘выдранный (из земли)’; именно это значение является позицией абсолютной нейтрализации различий между деревьями различных пород (ср. *выворотень*, *выворот* ‘дерево, вывороченное с корнем’ – порода дерева в данном случае безразлична). Представление о **семантических** отношениях (и только о них!) глагола и отглагольного существительного могут дать, как это ни неожиданно, факты современного русского языка: *молоть* – *мелево*, *варить* – *варево*, *жарить* – *жарево*, *зарить* – *зарево*, *морить* – *марево*, *курить* – *курево*, *печь* – *печево*, *крошить* – *крошево*; *месить* – *месиво*, *сочить* – *сочиво*, *драть* – *дерево*.

Естественно, что выдранный ствол дерева было мертвым и относилось к инактивному классу, практический интерес могла представлять лишь его древесина²⁰.

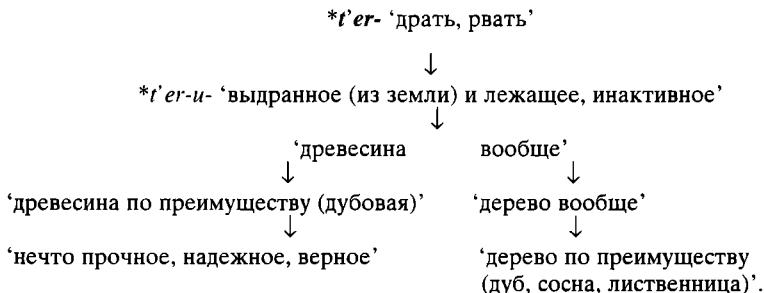
Таким образом, и.-е. лексема **t'elor-u-*, **t'r-elou-* является весьма архаичным именем инактивного класса, производным от глагольного корня **t'elor-*, **t'r-* ‘драть, рвать, выдирать’ с первоначальным значением ‘то, что выдрано (из земли)’; из этого значения развились значения ‘древесина’. Впоследствии значение могло развиваться в утилитарном направлении, намеченном Г. Остгофом и Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Ивановым: “Очевидно, форма среднего рода (древнего инактивного класса) *t'ori-* и обозначала первоначально именно ‘дуб’ как ‘древесину’, ‘материал для изготовления различных предметов и сооружений’, тогда как само растущее дерево ‘дуб’ выражалось словом несреднего рода (древнего активного класса) **p^(h)erk^(h)u-s²¹*”.

Данное предположение можно принять с одной поправкой: значение ‘древесина дуба’ не было “первоначальным”, оно могло развиться в результате конкретизации значения: ‘древесина (вообще)’ > ‘древесина (по преимуществу)’, т.е. ‘древесина дуба’ как наиболее прочного, “эталонного” материала. Из значения ‘древесина дуба’ и развилось, по-видимому, значение ‘прочной, твердой, верной’. От-

метим, что этот семантический процесс вряд ли мог иметь место до эпохи бронзы, поскольку каменные орудия едва ли позволяли обрабатывать дуб.

После смены активного строя индоевропейского языка номинативной конструкцией, повлекшей утрату оппозиции "активный – инактивный класс", появилась возможность для метонимического формирования на базе значения 'древесина (вообще)' обобщенного значения 'дерево (вообще)', а затем – вследствие специализации семантики – семемы 'дерево по преимуществу', что в различных географических районах дало семемы 'дуб' (кельты, албанцы, греки), 'сосна' (балты), 'лиственница' (италики) и т.д. При этом следует подчеркнуть, что значение 'дерево вообще' было востребовано обществом с принципиально иным²² типом мышления, чем у того, в котором появилась лексема **t'elor-u-*, **t'r-elou-* 'нечто выдранное'.

Таким образом, мы получаем возможность непротиворечивым образом объединить едва ли не все мнения о семантической эволюции индоевропейского обозначения дерева в следующей схеме:

Примечания

¹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси, 1984, 613.

² Имея в виду концепцию Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, мы пользуемся символикой, представленной в их монографии. В остальных случаях – традиционной формой представления и.-е. реконструкций.

³ Osthoff H. Etymologische parerga. Leipzig, 1901, 169 f.

⁴ Ср. детальный анализ формальной стороны этимологии этого слова у О.Н. Трубочева (ЭССЯ 4, 211–213). Г. Надя (Nagy G. Greek Dialects as the transformation of an Indo-European process. Cambridge (MASS), 1970, 117–118), К.Г. Красухина (ВЯ 1998, № 6, 34).

⁵ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов (1970): Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М., 1995, 86.

⁶ Ср. мнение Э. Бенвениста: «...если вывод, к которому приходит Г. Остгоф, правилен, то реконструируемое название дуба должно быть общеиндоевропейским и присутствовать во всех языках в данном значении. (...) В случае с реконструкцией Г. Остгофа дело обстоит совершенно иначе: слово со значением "дуб" представлено только в одном языке и даже только в один опреде-

ленный период существования языка» (Бенвенист Э. Указ. соч., 85–86). Ср. также критику этимологии Г. Остгофа в (Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, 340–343).

⁷ Гамкрелидзе, Иванов. Указ. соч., 613–614.

⁸ Там же. 273.

⁹ Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола “стоять”, преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М., 1996, 14.

¹⁰ Бенвенист Э. 1995, 87.

¹¹ Тут он следует за Ф. Шпехтом (Specht F. // KZ LXV, 198 и др.; KZ LXVI, 58 и др.), считавшим первичным субстантивированное прилагательное среднего рода **dōri* ‘нечто твердое’, откуда ‘дерево’ и ‘дуб’.

¹² Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Бенвенист Э. Общая лингвистика, 8; Степанов Ю.С. “Слова”, “Понятия”, “Вещи”. К новому синтезу в науке о культуре // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов, 12.

¹³ Бенвенист Э. 1995, 29.

¹⁴ Kuhn A. // KZ IV, 1855, 84–86.

¹⁵ Топоров В.Н. Указ. соч., 44–45.

¹⁶ Ср.: “Семантической доминантой языка активной типологии является именная классификация бинарного типа (актив – инактив), определяющая, в сущности, всю структуру языка – как систему склонения, так и систему спряжения. Морфологические и синтаксические потенции глагола зависят от данной бинарной классификации имен (Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Указ. соч., 312)”.

¹⁷ Левицкий В.В., Сравнительно-этимологический словарь германских языков. Черновцы, 1994, 215.

¹⁸ Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. I (A–H), Vilnius, 1988, 224–226; см. также: Аникин А.Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Материалы для балто-славянского словаря, Вып. 1 (Пробный) А–Е, Новосибирск, 1994, 201.

¹⁹ Независимо от автора статьи к аналогичному выводу пришел К.Г. Красухин (устное сообщение 13 мая 1999 г.).

²⁰ Хотелось бы обратить внимание на слово *дровосек* и его структурные эквиваленты в других индоевропейских языках. В свете предложенной реконструкции первоначального *дрово-секи секли* именно сухие, мертвые деревья.

²¹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Указ. соч., 617.

²² Уже логическим и в этом смысле современным.